

В. М. Летцев

ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПСИХИКИ У В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

Впервые вопрос о начале цельности в человеке, о значении духовной основы в жизни души, в жизни личности затронули в русской философии А. С. Хомяков и И. В. Киреевский.¹ Глубочайшие антропологические интуиции этих мыслителей сохраняют свою живую силу по сей день. Это в своей «Истории русской философии» с достаточной убедительностью показал В. В. Зеньковский. Он же (в другом месте) отмечал, что в разработке понятий духа и духовной жизни, которые, по его словам, все настойчивее выдвигаются в современной психологии, «нам дан ключ к связыванию разнообразных проблем» этой науки.

Обратимся вначале к основным антропологическим идеям славянофилов.²

Учение о *целостности* в человеке, об иерархическом примате духа в жизни личности является ключевым для славянофильства. В антропологии А. С. Хомякова оно выдвигается «с особой силой». На понятие «цельного духа» опираются и гносеологические и историософские его построения. Хомяковская философия вообще, по замечанию Н. А. Бердяева, «искала критериев истины» не в интеллекте, не в отвлеченной логике, а «в целостной жизни духа».³ В своем видении человека А. С. Хомяков четко различал «центральные силы» души, или начало цельности в человеке (вокруг которого, по его мнению, должны располагаться все прочие душевные силы) и периферическую сферу души. При этом он подчеркивал неустойчивость и противоборство этих сил в душе человека (приводящее при определенных условиях к разрушению иерархического строя личности). Это учение осталось, однако, у А. С. Хомякова не развернутым.

Глубже и сосредоточеннее эту тему разрабатывал И. В. Киреевский. У И. В. Киреевского учение об иерархическом строе души, о внутреннем духовном центре в человеке тесно связано со святоотеческой антропологией, которую он внимательно изучал.⁴ Центральным понятием философии И. В. Киреевского является понятие духовной жизни. Из него исходит он в своих философских размышлениях. В основу своих антропологических построений И. В. Киреевский кладет различие "внешнего" и "внутреннего" человека, что является, по замечанию В. В. Зеньковского, «исконным христианским антропологическим дуализмом».⁵

Восстановление изначальной целостности личности (т. е. иерархического примата духа в человеке) возможно, считает И. В. Киреевский, через целенаправленное «собрание» сил души, через углубление человека в свое «внутреннее духовное средоточие». Формулируя данное положение в связи с задачами познания, точнее «верующего» познания (а именно таковым, согласно И. В. Киреевскому, будет мышление при соответствующей глубине его погружения в реальность), он пишет: «главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные силы души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум, и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность в ее первозданной неделимости».⁶

Путь к обретению «внутреннего духовного средоточия», к господству в нас «существенной личности» открыт, по мнению И. В. Киреевского, лишь «внутреннему человеку» (т. е. – заметим это в скобках – путь этот не является простой редукцией к первоначальной «естественной» цельности личности, для которой вовсе не характерна рефлексивная внутрь-обращенность).

Эти взгляды И. В. Киреевского находятся – как подчеркивает в своем анализе их В. В. Зеньковский, – «в совершенном соответствии со святоотеческой терминологией». И будет совсем неправильным, замечает он, истолковывать учение И. В. Киреевского о «внутреннем средоточии духа» в терминах эмоционализма, как это делает, например, М. Гершензон.⁷ «В действительности, – пишет В. В. Зеньковский, – центральным понятием в антропологии Киреевского является понятие *духа*, а вовсе не понятие "чувства", – и здесь Киреевский просто продолжает традиционное христианское учение о человеке, – с основным для этого учения различием «духовного» и «душевного», «внутреннего» и «внешнего». Когда Киреевский говорит о «скрытом общем» средоточии для всех отдельных сил разума», то под этим «внутренним ядром» ... надо разуметь *всю духовную сферу в человеке*».⁸

«Внутреннее духовное средоточие» в человеке, о котором говорит И. В. Киреевский, в религиоз-

ной антропологии традиционно именуется «сердцем» человека.⁹ Христианская антропология, оперирующая тесно связанными между собой понятиями сердца, ума, духа, души, тела и утверждающая иерархическое строение человека, ставит на высшее место в этой иерархии начало духа, утверждает примат духовного начала над психофизической жизнью человека. При этом «сердце» выступает внутренним интегральным центром духовной, психической и телесной жизни личности, источником непосредственного знания и началом цельности в человеке.¹⁰

Таким образом, тема цельности и иерархического примата духа в жизни личности восходит в своих истоках к ряду глубочайших в смысловом отношении и достаточно устойчивых понятий христианской антропологии, которые, на наш взгляд, остаются в современных научно-философских построениях недостаточно (чтобы не сказать больше!) проясненными как сами по себе, так и с точки зрения места и роли реальных, ими обозначаемых, в духовно-душевном организме человека. Особенно это касается понятия «сердца», которое часто просто отождествляется со сферой чувств,¹¹ в то время как истинное значение эмоциональной сферы в психическом целом остается неопределенным.

Каким же образом все-таки духовное средоточие (или «сердце») в человеке связано со сферой чувств и каково подлинное место и значение чувств в психической жизни? Что является действительным основанием психических процессов, имеющих строго причинный характер? Или, другими словами, какова структура души, и что является истоком психической динамики?

Исследованием и разработкой этой проблематики достаточно основательно занимался В. В. Зеньковский, предложивший целый ряд убедительных решений сложных вопросов в психологии и антропологии с учетом новейших для своего времени научных данных в этой области.¹² Здесь мы сможем лишь бегло коснуться обозначенных выше вопросов, опираясь главным образом на ключевую для данной темы статью В. В. Зеньковского, которая называется «*Об иерархическом строе души*» (1929). В этой работе В. В. Зеньковский аргументирует применение принципа иерархии к психической сфере и дает научно-философское обоснование духовного истока психики.¹³

Рассмотрев предварительно различные типы иерархических отношений (логическое, онтологическое, органическое и некоторые другие), В. В. Зеньковский отмечает, что для понимания психического мира особое значение имеют отношения онтологической и органической иерархии. Для первого (онтологического) отношения главным является принцип невыводимости одной сферы в иерархии из другой, высшей из низшей. Для второго (органического) – определяющим является различие в организмах «существенных» (т. е. без которых невозможна *жизнь* организма) и «несущественных» органов.

Напоминая далее о стойкой методологической зависимости психологии от неорганического естествознания, когда психическое понимается как некая механическая ассоциация элементов или пучок функций, В. В. Зеньковский подчеркивает, что неорганическому пониманию психики необходимо противопоставить то ее понимание, которое видит в ней не совокупность и не систему отдельных фактов, а изначальное и основное единство, подобное единству организма. Душа в таком понимании есть органическое целое или система психических сил, опирающихся на свое реальное основание.¹⁴

Если это так, то иерархия внутри системы психических сил может быть установлена (согласно принципу органической иерархии) через отношение этих сил к *силе охранения* и поддержания жизни души как целостной системы. Такой силой, имеющей «*существенное*» значение для сохранения организма души, является, по убеждению В. В. Зеньковского, эмоциональная сфера или сфера чувств.¹⁵

«И в жизни интеллекта, и в развитии и росте воли, – пишет В. В. Зеньковский, – необходимым предусловием является богатая, яркая и здоровая эмоциональная жизнь. Если этого условия нет налицо, интеллектуальные процессы текут вяло, поверхностно, формально, процессы воли обрываются, оставляя решения не доведенными до конца».¹⁶ Так, фактическая причина упадка активности личности заключается обыкновенно не в болезни воли, а в болезни именно эмоциональной сферы. То же касается и мышления.

Зависимость психических процессов от эмоциональной сферы, разъясняет В. В. Зеньковский, не является открытием, она отмечалась уже давно. Ныне роль эмоционального фактора, проявляющего себя «в игре образов, в законах их появления, в ассоциировании, в факте цензуры, наконец, в факте установки», достаточно подробно описана в психологии. Но самое существенное, замечает он, «все-таки относится к работе мышления: здесь, в *чисто психической* (а не логической) его обусловленности, влиянию разнообразных чувств открывается огромное место. Там, где задеты наши интересы, наши основные чувства, работа мысли оказывается напряженной, яркой и творческой; и, наоборот, при равнодушии нашем к теме и задачам мышления оно оказывается пустым, поверхностным и бесплодным».¹⁷ Наиболее плодотворно работа интеллекта разворачивается обыкновенно

там, “куда направлен наш энтузиазм, чему отдаем мы наше сердце”.

“Тайна творческой активности (а только творческая активность, – замечает В. В. Зеньковский, – питает нашу личность, раскрывает ее недра и рождает новые силы в душе) также определяется эмоциональным отношением” к задачам которые встают перед нами.¹⁸ От того, горим ли мы какой-либо задачей, захватывает ли она нас – во многом зависит и продуктивность нашего творчества, и сила наших творческих проявлений.

Таким образом, резюмирует В. В. Зеньковский, нельзя не признавать, что “в конституции души ее здоровье определяется здоровьем эмоциональной сферы”. При этом, подчеркивает он, “свежесть и здоровье эмоциональной сферы не есть просто предпосылка творческой работы мысли или расцвета воли; от здоровья чувств зависит *общее* здоровье души. Точнее говоря, в свежести и яркости чувств обнаруживается жизненность и крепость душевного целого, сила души как целостного единства”.¹⁹ И “как *сердце* есть орган, без которого замирает жизнь организма, тогда как устранение или ослабление других органов все же не грозит жизни организма, так в конституции души эмоциональная сфера определяет основной тон жизни: здоровье или болезнь эмоциональной сферы определяют функционирование других сфер души”.²⁰ Другими словами, “для психического здоровья имеет кардинальное значение здоровье одной лишь эмоциональной сферы», в то время как «другие сферы такого значения не имеют». А это означает, что “в иерархическом строе души *существенное* значение принадлежит эмоциональной сфере”,²¹ означает ее *иерархический примат*.²²

Данную точку зрения, замечает по ходу изложения В. В. Зеньковский, могут, конечно, охарактеризовать как “психологический сентиментализм”, дабы самим этим термином “бросить тень” на нашу концепцию. Что ж, в таком случае сожалеть надо будет более не об иронической подмене терминологии, а о неусвоении сути того, что следует разуметь под эмоциональной сферой, о непонимании ее роли в конституции души, непонимании того, что в чувствах мы сопряжены и с объективным миром.²³

Устанавливая иерархический примат эмоциональной сферы в психической жизни, В. В. Зеньковский отмечает, что он ни в коей мере не может быть истолкован в смысле логической иерархии (основное – производное). Подчеркивая непроецируемость интеллектуальной и волевой сфер в психике, он разъясняет, что их зависимость от эмоциональной сферы личности должна быть понята лишь в смысле действия на них “благоприятной (или неблагоприятной) эмоциональной конъюнктуры”, лишь в смысле наличия сильной или слабой эмоциональной стимуляции. “Иерархическая существенность эмоциональной сферы, – пишет он, – вовсе не требует умаления тех завоеваний современной эмпирической психологии, которые установили наличность в душе большого числа непроецируемых функций...”.²⁴ Однако, “в жизни души нет ни однородности, ни равноценности всех психических функций”. Центральное значение в ней, вне всякого сомнения, принадлежит эмоциональной сфере. Это тем более так, подчеркивает В. В. Зеньковский, что даже те функции, которые стоят онтологически выше нее (мышление и воля), могут действовать лишь при благоприятном состоянии эмоциональной сферы, именно в ней обретая свою психическую базу.

Установление факта центральности эмоциональной сферы в жизни души, может иметь, по замечанию В. В. Зеньковского, огромное значение для систематизации эмпирического материала, для раскрытия иерархического соотношения между отдельными сферами души. Однако его все же не достаточно для понимания оснований психической жизни. Для этого надо ответить на вопрос, чем объясняется сам факт внутренней центральности эмоциональной сферы?

На этот вопрос В. В. Зеньковский отвечает так: “Эмоциональная жизнь обязана своим центральным значением *лишь тому, что стоит за ней*, проводником чего она является, иначе говоря, той *реальной основе*, которая определяет собой жизнь и содержание чувств”.²⁵

Вопрос о реальной основе эмоциональной сферы, пишет В. В. Зеньковский, ставится в современной психологии достаточно ярко и напряженно. Исследования последних десятилетий уже привели к признанию того, что чувства связаны с самым глубоким фактором в жизни души и, таким образом, к необходимости “установления для чувств более глубокой основы”. Причем терминологические расхождения, которые возникают при обозначении этой основы, замечает он, не имеют в данном случае никакого значения – важно лишь “общее утверждение, что своими корнями чувства восходят к их реальной основе”.²⁶

Разбирая далее вопрос о реальной основе эмоциональной сферы, В. В. Зеньковский обращается к «воображению», которое является органом этой сферы. В работе воображения или в эмоциональном мышлении, пишет он, мы сталкиваемся с тем, что называется *духовной содержательностью чувств*.²⁷ Духовная содержательность чувств особенно ярко раскрывается в художественном творчестве, она может являть себя “в образах, богат-

ство и идейный смысл которых достигают исключительной силы и глубины”. Но “не только художественное творчество, – замечает В. В. Зеньковский, – но и религиозное, и этическое, и правовое исходят из того, что впервые светит душе в чувствах, что раскрывает перед нами целые миры”.²⁸

Проводя далее различие между познавательным мышлением, дающим нам возможность постигать *истину*, и эмоциональным мышлением, В. В. Зеньковский подчеркивает, что “в эмоциональном мышлении мы входим в соотношение не с миром действительности, а с миром ценностей”.²⁹ Огромная заслуга в уяснении этого факта, замечает он, принадлежит трансцендентализму, несмотря на то, что последний “разбивал целостную духовную жизнь на ряд обособленных сфер”. Трансцендентализм, пишет В. В. Зеньковский, – “констатировал и внутреннюю независимость мира ценностей, и его огромную объективную содержательность, и, наконец, его огромную значимость для нас, его чрезвычайно глубокую функцию в жизни нашего духа”.³⁰

В свете всего сказанного – подытоживает свои рассуждения В. В. Зеньковский – становится возможным связать “вопрос о реальной основе чувств с тем понятием, которое все чаще и настойчивее выдвигается в современной психологии, с понятием духа и духовной жизни”. Разработка этих понятий, считает он, открывает путь к решению многих проблем современной психологии.

Как же соотносимы психическое и духовное в понимании В. В. Зеньковского?

“Понятие духа, – пишет он, – стоит в онтологической иерархии выше понятия психики и обнимает собой все те моменты или факты нашего внутреннего мира, когда внутри психических процессов, протекающих под законом причинности, выступает свобода от психической причинности, в частности, обнаруживается независимость смысловых связей от психической ткани, на которой они разворачиваются”.³¹ Самый “яркий и показательный” пример такой смысловой независимости В. В. Зеньковский видит в мышлении. “Поскольку мышление включено в поток психической жизни, – замечает он, – оно подчинено внутриспсихической причинности; но в мышлении обнаруживается иная, внепсихическая и надпсихическая структурность, имеющая, как принято это говорить, идеальный характер. Вот эти моменты, которые мы обнаруживаем в системе психики, но которые связываются в структурные связи внепсихического и надпсихического характера, в своей совокупности и намечают те точки, через которые внутри психического мира выступает духовное (надпсихическое) бытие”.³² Духовная жизнь, замечает В. В. Зеньковский, творится не только на вершинах психики (как это в большинстве случаев принято считать), но “пронизывает собой *весь* мир душевных явлений”, однако “своего ясного раскрытия и цветения” она действительно достигает «не в элементарных, а в высших процессах внутренней жизни”.³³

Основным явлением духовной жизни в нас, пишет В. В. Зеньковский, должно быть признано *искание Бесконечного*. Это стремление “уйти за пределы опыта в сферу безусловного”, замечает он, присуще «не только моральной (здесь имеется в виду И. Кант – *В.Л.*), но и религиозной и эстетической жизни, и не только этим высшим формам нашей жизни, но *она имеет место во всех наших чувствах*”.³⁴ И та беспокойная, ненасытимая жажда и обращенность к жизни, о которой писал А. Шопенгауэр и которую он называл «безумием воли», охватывает все наши чувства. “Поистине можно сказать, – продолжает В. В. Зеньковский, – что именно в наших чувствах мы обращены к Безусловному, и эта перспектива Бесконечного углубляет всякое чувство, открываясь как бесконечный *путь*, определяемый данным чувством”.³⁵ Конечно, замечает он, «по поводу конкретного объекта мы испытываем, прежде всего совершенно конкретные чувства, которые легко обрываются и исчерпываются, так что сопряженность чувствам перспективы Бесконечного, которая нимбом... озаряет каждое чувство, пропадает обыкновенно бесследно и бесшумно». Однако при «более глубоком слышании самого себя» (и здесь особенно много дает психологии художественное творчество) “сопряженная с каким-либо чувством перспектива Бесконечного встает с совершенной ясностью”.³⁶

При достаточной тонкости чувств, отмечает В. В. Зеньковский далее, мы можем обнаружить в составе эмоционального потока слои разной глубины. Погружение в эти слои не только дает новые переживания, но и ставит нас перед новыми и новыми объектами, новыми и новыми содержаниями, неуловимыми для первоначального восприятия. Феноменологический анализ этих содержаний достаточно труден. Лучше всего ту бездонность, которая открывается нам в движениях чувств, фиксирует музыка, “уловляющая с несравненным мастерством те откровения, на пороге которых мы стоим в обычных наших чувствах”. И “как в небольшой музыкальной пьесе может быть выражено бесконечное содержание, в которое никогда нельзя до конца проникнуть, так в поэме любого эмоционального переживания заключено необозримое богатство. Эта насыщенность чувств глубоким, часто невыразимым и неуловимым содержанием показывает, что в наших

чувствах обращается к миру не одна поверхность души, не одни наши инстинкты, но вся та неисследимая глубина нашей души,³⁷ которая сама в себе бесконечна и которая зрит Бесконечное сквозь все эмпирическое и ограниченное”.³⁸

Таким образом, резюмирует В. В. Зеньковский, “в чувствах мы имеем дело с эмпирическим выявлением того, что переживает личность в самой глубине ее, в ее духовном соотношении с миром”. Чувства “являются проводниками тех *духовных* реакций, которые имеют место в глубине души”. А это значит, – заключает он, – “что описанное выше центральное значение чувств в системе эмпирической душевной жизни восходит к центральности в нас духовной жизни, которая являет себя прежде всего и больше всего в наших чувствах”.³⁹ Интимная близость чувств к духовной сердцевине человека, к его «сердцу» делает их “проводниками надпсихической духовной жизни” в состав эмпирической психики. Таким образом, “психическое является проводником и воплощением духовных процессов”.⁴⁰

Называя такое обоснование психической жизни “пневматологическим”, В. В. Зеньковский подчеркивает, что оно “вскрывает перед нами ту глубину в человеке, которая онтологически предвдваряет *двойственность* телесно-психической жизни”.⁴¹

Тем самым, В. В. Зеньковским утверждается трихотомическое понимание состава человека,⁴² при котором психическое, обладая определенной функциональной самостоятельностью (собственной закономерностью), опирается на начало духа, являющееся истоком психической динамики и основанием целостности психики.⁴³ Тело человека (здесь мы входим уже в сферу антропологии) также иерархически зависит от духовной основы в человеке. Таким образом, и телесное и душевное начала в человеке иерархически подчинены своей духовной основе⁴⁴ они, по выражению В. В. Зеньковского, “опосредствуют” духовную жизнь в нем. И в этом смысле нужно говорить о “всецелой духовности человека”.

Этот тезис, который “впервые до конца обнажает всю проблематику человека”, может быть развит вполне, подчеркивает В. В. Зеньковский, лишь в системе антропологии, освещающей и истолковывающей иерархическое строение человека вообще. В системе антропологии становится очевидным, что иерархическое строение души есть “лишь эмпирическая транскрипция иерархической конституции человека”.⁴⁵

* * *

Таковы некоторые основные пункты учения В. В. Зеньковского об иерархическом строе души, о духовной основе психики. Это учение является фактически систематической философской разработкой антропологических интуиций славянофилов (А. С. Хомякова и И. В. Киреевского),⁴⁶ которые опирались в своих построениях (в утверждении начала цельности в человеке, восстановлении в нем правильной иерархии духовно-душевных сил) – прежде всего на православную истину о человеке и мире. Из православного видения глубин человеческой личности исходил в своем творчестве и В. В. Зеньковский.

¹ Немногом позднее к этой теме обратился также П. Д. Юркевич (1826-1874) (см. его работы: «Из науки о человеческом духе» (1860), «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия» (1860) и нек. др). В дальнейшем над философско-психологической разработкой названной проблематики в русской философии трудились А. А. Козлов, Л. М. Лопатин, В.И. Несмелов, С. А. Аскольдов и др.

² Именованное группы мыслителей (А. С. Хомяков И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин и др.) «славянофилами» В. В. Зеньковский считает неудачным, возникшим “по случайному признаку”. “Правильнее и точнее, – пишет он, – было бы назвать это направление “православно-русским”. В сочетании Православия и России и есть та общая узловая точка, в которой все мыслители этой группы сходятся”. (Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. – Ленинград: «Эго», 1991. – Т. I. – Ч. 2. – С. 6.)

³ См. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. – Томск: Издательство «Водолей», 1996. – С. 82.

⁴ Святоотеческие творения вообще были главным “источником вдохновения” для И. В. Киреевского, который, по замечанию В. В. Зеньковского, стремился “философски раскрыть и осветить данными современности основные идеи Свв. Отцов о человеке и мире”.

⁵ Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. – Ленинград: «Эго», 1991. – Т. I. – Ч. 2. – С. 14.

⁶ см.: Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: «Искусство», 1979. – С. 334.

⁷ М. Гершензон – один из первых исследователей творчества И. В. Киреевского. Именно он обратил внимание на учение И. В. Киреевского о “внутреннем средоточии духа”. (См.: Гершензон М. Учение о личности (И. В. Киреевский) // Гершензон М.О. Избранное. Т. 3. Образы прошлого. Москва–Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. – С. 427–446).

⁸ См.: Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. – Ленинград: «Эго», 1991. – Т. I. – Ч. 2. – С. 15. Здесь же В. В. Зеньковский разъясняет: «Если выразить мысли Киреевского в терминах современной психологии, то он различает “эмпирическую” сферу души с ее многочисленными “отдельными” функциями от глубинной сферы души, лежащей ниже порога сознания, где центральную точку можно назвать “глубинным “я”».

⁹ В библейской антропологии «сердце» ассоциируется, прежде всего, с сокровенными глубинами нашего существа, мыслями, желаниями, чувствами и эмоциями. В христианской литературе это понятие впервые появляется, как известно, уже в послании ап. Петра

(I Петра 3, 4), где говорится о «сокровенном сердца человеке»; а также у Ап. Павла (Еф. 3, 16; и др.). В писаниях Свв. Отцов тема «сердца» никогда не умолкала. Особое место «сердцу» отводилось в мистико-аскетической традиции православия. На Западе после бл. Августина тема «сердца» занимала далеко не центральное положение. Некоторым восполнением этого стала впоследствии философская концепция «сердца» Б. Паскаля (См.: *о. Михаил (Евдокимов)*. Сердце в восточной традиции и в мыслях Паскаля // Страницы. – № 1. – 1996. – С. 28–38). В русской философии к теме «сердца» обращались Г.С.Сковорода, П. Д. Юркевич, П.А.Флоренский, Б.П.Вышеславцев и др. Специально эту тему разрабатывал П. Д. Юркевич. В своем учении о «сердце» он увязывал физиологические, психологические и пневматологические аспекты проблематики «сердца», указывая на исключительное значение духовно-индивидуальных глубин личности в жизни души. (Анализ учения о «сердце» П. Д. Юркевича применительно к понятию личности см.: *Летцев В. М.* «Философия сердца» П. Д. Юркевича та поглиблене розуміння особистості // Практична психологія та соціальна робота. – К., 1999. – №6. – С. 38–40; *или же: Летцев В. М.* Личность и ее концептуализации в российской психологии второй половины XIX столетия // Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий: Сборник научных трудов: в двух частях. Часть 1. – Москва: Изд-во МГСА, 2002. – 216 с. – С. 94–105). Всесторонний анализ понятия «сердца» в религиозной традиции предпринял Б. П. Вышеславцев. (См. *Вышеславцев Б. П.*: Сердце в христианской и индийской мистике // *Вопр. Философии*. – 1990. – №4. – С. 55–87).

¹⁰ В данном случае мы говорим о «цельности» *сердца* лишь как о «заданном» в человеке и не касаемся второй по важности темы христианской антропологии – темы *греха*, который «раздваивает» всю духовную сферу в человеке так, что «цельность» оказывается лишь *залогом* в нем. Тема греха не затрагивалась ни Хомяковым, ни Киреевским, что дало повод В. В. Зеньковскому говорить о некоторой утопичности их концепций.

¹¹ Ср. напр. замечание П. Евдокимова о том, что «сердце» «никоим образом не совпадает с эмоциональным центром из учебников психологии» (см.: *Евдокимов П.* Православие / пер. с франц. С. Гриб. – М.: Библиейско-Богословский Институт св. Апостола Андрея, 2002. – С. 97).

¹² О ключевых идеях и важнейших разработках В. В. Зеньковского см. наши статьи: Доглибне "Я" як духовне підґрунтя особистості у В. В. Зеньковського // *Філософська думка*. – К., 1999. – №1–2. – С. 242–251; В. В. Зеньковский: Психическая причинность как метафизика личности // *Практична філософія*. – 2001. – № 3 (№ 4). – С. 145–148; Личность как средоточие мировоззренческих исканий В. В. Зеньковского // *Вопросы философии*. – 2003. – № 12. – С. 140–146; *или (расширенный вариант)*: Христианская интуиция личности как исходное основание персоналистической метафизики В. В. Зеньковского // *Христианская мысль*. – К., 2004. – № 1. – С. 88–94; *а также*: Проблема личности в психологическом наследии В. В. Зеньковского. Автореф. дисс. на соиск. ... канд. психол. наук. – К., 2004. – 19 с. (на укр. яз.)

¹³ Для лучшей ориентации читателя, отметим, что в названной работе В. В. Зеньковский выступает прежде всего как философ и психолог, который пытается изнутри перестроить научные подходы к рассматриваемой им проблематике, увязать научно-психологическое и религиозно-антропологическое истолкование оснований психики в перспективе выдвинутой им в другой работе задачи построения «теономической психологии».

¹⁴ Развиваемое В. В. Зеньковским органическое понимание душевной жизни (в отличие от «актуальной теории души» В. Вундта) предполагает наличие в психике реальной, субъектно-субстанциальной основы как формирующей силы и источника психического развития. Разработку этого вопроса посвящен фундаментальный труд В. В. Зеньковского «Проблема психической причинности» (1914).

¹⁵ В. В. Зеньковский в своей статье не проводит терминологических различий между *эмоцией* и *чувством*. В то же время он разъясняет, что говорит о чувствах не в смысле обычных «переживаний», а в смысле «раскрытия жизни души», именно в этом своем качестве, замечает он, «чувства ... занимают столь важное место в строе души». Принимая двойное словоупотребление В. В. Зеньковского как синонимии (в большинстве случаев так оно и есть), отметим все же, что контекстуальные различия позволяют говорить о соотношении им понятия «эмоции» с динамическим, продуцирующим фактором в психике, с выразительной ее активностью, а понятия «чувства» с углублением в потенциальное, его раскрытием, дифференцирующим восприятием. Возможно также распределение терминологических предпочтений по признаку непосредственности-опосредованности выражения-восприятия. (О различии между эмоцией и чувством см. напр. *Юнг К.Г.* Тевистокские лекции. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. С. 32–33).

¹⁶ *Зеньковский В. В.* Об иерархическом строе души // *Зеньковский В. В.* Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 234.

¹⁷ Там же. – С. 232.

¹⁸ Там же. – С. 234.

¹⁹ Там же. – С. 235.

²⁰ Там же. – С. 234.

²¹ Там же. – С. 230, 234.

²² Общая «приложимость идеи иерархического строя к жизни души», считает В. В. Зеньковский, не может вызывать сомнений, ибо «иерархический строй, ... который логически охватывает явления физиологической и морфологической дифференциации», присущ вообще всем организмам.

²³ «С тех пор как трудами Рибо, Майера, Мейнонга установлен факт эмоционального мышления и вскрыта интенциональность чувств, – пишет В. В. Зеньковский, – психический смысл чувств не может быть ограничен лишь той субъективной функцией, которая с ними связана». (См.: *Зеньковский В. В.* Об иерархическом строе души // *Зеньковский В. В.* Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 235).

²⁴ В то же время, душа, разъясняет В. В. Зеньковский, «не есть ни сумма этих функций, ни даже их система, как теперь это любят говорить, она есть организм, целостное и живое единство».

²⁵ *Зеньковский В. В.* Об иерархическом строе души // *Зеньковский В. В.* Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 235.

²⁶ Большинство исследователей, пишет В. В. Зеньковский, характеризуя реальную основу чувств, пользуются термином «инстинкты» (У.Джемс, В.Мак-Даугалл и др.), что совпадает с прежними терминами «влечения», «склонности» и т. п. Использование понятия инстинкта для указанной цели, замечает он, тем только и хорошо, что оно углубляет проблему чувств и фиксирует обращенность их к объективному миру. Однако, крайняя широта этого понятия и его терминологическая неустойчивость, приводят к тому, что им попросту невозможно пользоваться. Потому характеристика реальной основы чувств в терминах инстинкта неприемлема.

²⁷ С тех пор, как в психологии стал утверждаться взгляд, что «органом эмоциональной сферы является воображение», а понятие «эмоционального мышления» приобрело права гражданства, замечает В. В. Зеньковский, факт «духовной содержательности чувств», известный хорошо еще в XVIII ст., стал выступать со всей очевидностью. (В этой связи В. В. Зеньковский отсылает читателя к «превосходной», по его словам, книге В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры в XVIII в.». – Т. I. – М., 1898).

²⁸ Зеньковский В. В. Об иерархическом строе души // Зеньковский В. В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 236.

²⁹ Этот мир ценностей не оторван, конечно же, от действительности, но обращает к ней. Ср. суждение Н. Гартмана: «...ценностный контакт в жизни, хотя в себе он есть совершенно иное, будучи контактом лишь аксиологическим, не онтологическим, тем не менее опосредованно получает значение важного свидетельства о реальности». (См.: Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю. В. Медведева. – СПб: «Наука», 2003. – С. 439).

³⁰ Зеньковский В. В. Об иерархическом строе души // Зеньковский В. В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 236.

³¹ Там же. – С. 237.

³² Там же. – С. 237.

³³ Там же. – С. 237.

³⁴ Там же. – С. 237.

³⁵ Там же. – С. 238.

³⁶ Там же. – С. 238.

³⁷ Понятие о «глубине души», где «начинаются и куда возвращаются наши чувства», В. В. Зеньковский соотносит с понятием «сердца», указывая на исключительное значение этого понятия для раскрытия жизни души и на необходимость его введения в психологическую систематику. В качестве примера такой работы В. В. Зеньковский упоминает статью П. Д. Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия».

³⁸ Зеньковский В. В. Об иерархическом строе души // Зеньковский В. В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 238.

³⁹ Там же. – С. 239.

⁴⁰ Идею действия духа через чувства высказывал в свое время св. Григорий Нисский (См.: Штидлик Фома. Духовная традиция Восточного Христианства. Систематическое изложение. – М.: Паолине, 2000. – С. 492).

⁴¹ Зеньковский В. В. Об иерархическом строе души // Зеньковский В. В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 239.

⁴² Исторически *дихотомическое* (дух + психо-телесная сторона) и *трихотомическое* (дух + душа + тело) понимание человека сосуществовали. Так, у ап. Павла, давшего, по замечанию В. В. Зеньковского, «основные идеи для христианской антропологии, встречаются и дихотомия, и трихотомия». Цель В. В. Зеньковского, статья которого направлена на преобразование научно-философского подхода к человеку, обосновать онтологическую первичность и центральность духовной сферы в человеке, утвердить начало духа в качестве бытийного основания психики. При этом, как особо подчеркивает В. В. Зеньковский, не должно исчезать *своеобразие* психики, «самостоятельная закономерность» в жизни души.

⁴³ Выше мы уже отмечали, что «целостность», которую несет с собой духовное начало, оказывается в человеке нарушенной в силу действия в нем начала *греха*. Первородный грех «раздваивает» всю духовную сферу в человеке. Этот аспект христианской антропологии будет освещен В. В. Зеньковским в последующих его работах, где он учит об «антиномиях духа», о наличии «светлой» и «темной» духовности в человеке.

⁴⁴ Речь в данном случае идет об *онтологическом* примате духовной сферы, так как *аксиологически* духовное начало, как замечает В. В. Зеньковский, может занимать в жизни человека подчиненное место – в этом случае говорят, что «дух находится в плену у чувственности».

⁴⁵ Зеньковский В. В. Об иерархическом строе души // Зеньковский В. В. Проблема воспитания в свете христианской антропологии – М.: «Школа-Пресс», 1996. – С. 240.

⁴⁶ Подтверждение этому мы находим в ранней работе В. В. Зеньковского «Россия и Православие» (1916).